

**BERNHARD J. HARDER. ALEXANDERTAL.
DIE GESCHICHTE DER LETZTEN DEUTSCHEN STAMMSIEDLUNG
IN RUßLAND. BERLIN: GEDRUCKT VON J.KOHNERT, O/J. 110 S.**

**ГАРДЕР БЕРНГАРД. АЛЕКСАНДРТАЛЬ.
ИСТОРИЯ ПОСЛЕДНЕГО ПОСЕЛЕНИЯ В РОССИИ /НА НЕМЕЦКОМ ЯЗ.
БЕРЛИН: ИЗД-ВО КОНЕРТ, Б.Г.**

Перевод с немецкого выполнен С.И.Дубининым.

Публикацию подготовил Н.А.Курсков

Об авторе. Бернгард Гардер (1878 - ок. 1960) был пятым ребенком в семье западно-прусского колониста Юлиуса Гардера из Нейгофнунга (совр. Надеждино, Кошкинского района Самарской области). В раннем детстве он лишился родителей и был воспитан родственниками. С 16 лет в одной из южно-меннонитских колоний обучался ремеслу, связанному с земледелием. Там же был конфирмован. Возвратившись в Нейгофнунг, основал мастерскую, а позже - торговый дом «Гардер, Вибе и К^о», специализировавшийся на сбыте сельхозинвентаря. Владел знаниями в сфере сельского хозяйства, занимался самообразованием. С началом первой Мировой войны вследствие немецкого подданства Гардер был интернирован в Оренбургскую губернию, затем депортирован в Сибирь. Эти события привели его к решению об эмиграции. До 1923 г. он работал на верфи в Эльблонге (Польша), затем стал миссионером и редактором журнала «Слово и Дело». С 1930 по 1951 г. возглавлял Гамбургскую меннонитскую миссию. Позже, уже в отставке, Гардер публиковал очерки по истории родных когда-то мест: колонии Александрталь на р.Кондурче и её окрестностей.

Мемуарный текст Гардера представляет собой очерк в жанре микроистории. Адресован единоверцам и соплеменникам. В России впервые опубликован в 1993 г.

Фактографическая канва очерка позволяет говорить о том, что автор вносит существенный вклад в самарское историко-этническое источниковедение и историографию. Вместе с тем заметим, что Гардер не использовал исторические источники делопроизводственного типа или архивные материалы. Опорой памяти ему служили немногочисленные мемуарные записки соплеменников и впечатления о событиях, свидетелем которых был он сам. Это замечание особенно касается периода революций и гражданской войны 1905 - 1918 годов, волостной уровень которых представлен в публикуемом переводе небольшой части его работы.

Описание Б. Гардером событий, перевернувших традиционный образ жизни александртальских крестьян-фермеров и бывших удельных крестьян окрестных волостей, особенно Кошкинской, населенной русскими крестьянами-общинниками и несколькими десятками столыпинских хуторян, представляет значительный интерес. Оно является свидетельством наблю-

дателя, фермерский взгляд которого не зашорен политикой, идеологией или религией и буквально фотографичен.

В среде наследников самарских русских крестьян подобные мемуары были созданы примерно в это же время, но стали известны лишь в конце 1990-х годов. Их вполне можно поставить в один ряд с достоверными крестьянскими мемуарами Гардера. Автором их стал крестьянин самарского села Большая Царевщина (совр. поселок Волжский) В.Л.Щибраев¹.

* * *

Революция 1917 года

... В России в 1917 г. было около 100 тыс. меннонитов, владевших 15295 кв. км земли (для сравнения: площадь королевства Саксония составляла 15000 кв.км).

Во время первой Мировой войны шовинисты в правительственных кругах развернули травлю немецких переселенцев, заявляя о «вражеском захвате России немцами», указывая на принадлежащие им чрезмерные земельные владения. Но в действительности данная цифра не включала владения немецких колонистов других вероисповеданий. При этом лояльность меннонитов к России была изначально вне сомнений. В предвоенные годы до 2000 мужчин – меннонитов состояло на государственной службе в лесничестве. В 1909 общины внесли до 172252 руб. дохода в казну на их содержание.

Во время войны 1914/17 годов находившиеся на действительной службе молодые люди и резервисты были согласно всеобщему закону призваны во вспомогательную службу. В 1915/16 годах в различных военных структурах, во Всероссийском земском Союзе, в Красном Кресте, во вспомогательных организациях русского дворянства, в Союзе Городов, в частных лазаретах и в лесничествах насчитывалось около 22000 меннонитов-призывников. Соответственно возросли и расходы на их обмундирование и обеспечение. В период с 1915 по 1917 годы общины отчислили на эти нужды до 4818611 руб. Сверх того, меннониты добровольно поставили значительное количество продовольствия для русской армии.

Со стороны националистических групп в правительстве, так называемой «черной сотни», меннонитам был в это время нанесён особенно тяжёлый удар. Министр внутренних дел А.Н.Хвостов передал в Совет министров записку, где обосновывал идею, почему следовало призвать меннонитов на военную службу, уравнив их с прочими подданными России. Однако, прежде, чем это предложение было обсуждено, Хвостов был отозван со своего пост и заменён осмотрительным А.Д.Протопоповым, который в представлении руководителю «Правления по делам военнообязанных» назвал привлечение меннонитов к военной службе нарушением их привилегий и отклонил. Затем последовало распоряжение, чтобы этот вопрос вообще никогда более не подлежал рассмотрению.

Значительно тяжелее в 1915/16 годах оказались так называемые ликвидационные законы, реализация которых означала насильственное отторжение имущества всех немецких колонистов в России и изгнание их из страны.

Чтобы оградить себя от подобных радикальных мер, представители меннонитства пришли к тому, чтобы заявить о своём французско-голландском происхождении; в качестве аргумента могли служить их фамилии и нижненемецкий диалект. Нидерландское правительство не оспаривало факта, что Нидерланды были прародиной этих переселенцев.

В этот период находившийся на русской чиновничьей службе проф. Карл Линдеман взял на себя роль бесстрашного заступника всех колонистов и, особенно, меннонитов. Именно он во время Февральской революции 1917 года созвал немцев России на конгресс, чтобы совместно представить их вопросы и проблемы перед правительством социалистов. От лица меннонитов здесь выступили в качестве депутатов Й. Вильмс и Б.Х. Унру.

На конгрессе меннониты отстаивали тезис, что большинство российский меннонитов вышло из Нидерландов, находясь, однако, столетия под культурным влиянием немцев; при этом они не утратили своих собственных политических и этнических корней. В остальном меннониты согласились сотрудничать с прочими колонистами, естественно, при сохранении их самобытности.

Осенью 1917 года возникло отдельное меннонитское сообщество, в Устав которого вошли данные заявления: меннониты вошли в состав «Союза немецких колонистов России» при условии сохранения и признания их самобытности.

Влияние революции в Александртале

Поначалу переворот мало затронул это отдалённое селение, за исключением повышения налогов и хозяйственных изменений правительства Керенского (март 1917), в отличие от украинских селений; правда, если не считать переименования колонии в Александродар.

Здесь повсеместно царило мнение, что волны революции разобьются об устоявшийся порядок колонистской жизни, как в 1905/6 годах. Окружающее население не обнаруживало никаких волнений.

Однако осенью 1917 года возникла совершенно иная ситуация: прежний порядок был разрушен, всё чиновничье и полицейское управление было устранено. На их место заступила гражданская милиция, состоявшая из сомнительных элементов, действовавших по произволу и ещё более усиливавших беспорядок. Временами не действовали ни законы, ни нормы. Новые распоряжения противоречили друг другу, исходя словно от разных инструкций, не знавших и не признававших друг друга. Великое слово «свобода» было понято народными массами так, словно каждому было позволено действовать по собственному усмотрению.

Практически это беззаконие осуществлялось при отчуждении земель и, наконец, при грабеже крупных хозяйств. Так собственность через воровство стала «народным» достоянием.

Для колонии в начале опасности не было, пока декларативный передел касался крупных имений и пока окружающее колонии население было благоразумно.

На основании Окружного решения летом 1917 года, помимо прочего, была основана начальная школа с программой реальной гимназии, которой было суждено было без потрясений просуществовать несколько лет. Колонию непосредственно затронул общий дефицит товаров и предметов потребления. В это время частная торговля была парализована. Стало необходимым создание собственного волостного магазина, работники которого имели бы право требовать в Самаре централизованной поставки тех или иных товаров для населения.

Сельхозобъединение колонии расширило свои задачи; в первую очередь, в защите от ликвидации возникших вновь образцовых и семенных хозяйств. Всё это способствовало оттягиванию процесса упадка уровня жизни в колонии, но не сдержало его.

Землевладение после Октябрьской революции 1917 года постепенными акциями всё более сокращалось. Из рассказов беженцев можно узнать о безумствах ликвидации частной собственности; они наглядно сообщают о разрушении хозяйственной системы. Так, например, были сожжены молотильные установки, поскольку, якобы, лишали сборщиков урожая заработка. Так же жестоко был уничтожен племенной скот. Промышленные постройки были заминированы и оставлены на произвол разрушающих сил. Так бессмысленно протекала революция на провинциальном уровне.

В Александртале предпринимались попытки противодействовать безумному разрушению; прежде всего путём введения регулирования землевладения и наделения землей немногих бывших тогда безземельными. Однако имели место случаи, когда вновь прибывшие конъюнктурно использовали хозяйственную неразбериху для своей выгоды и получения власти. Внутри поселения начался процесс разложения, приведший даже к арестам и возникновению опасности для свободы личности.

В этих шатких условиях население утратило интерес к крестьянскому труду и, как следствие, проявился дефицит товаров потребления.

Весной 1918 года полчища хомяков прошли по местности. Когда наличные запасы продовольствия были исчерпаны, наступила страшная голодная катастрофа, которая в Александртале сопровождалась эпидемией тифа.

Российская транспортная система была в этот год почти полностью парализована бушевавшей по всей России гражданской войной. Это также отразилось на положении Александрталя в том смысле, что на колонию были возложены контрибуции и определенное число юношей привлекалось на военную службу.

Но неизмеримо большее число жертв было во время эпидемии и голода.

Наконец эпоха радикальных хозяйственных преобразований началась и в нашем поселении. Новый передел земли дал на каждого члена семьи надел в 2,5 десятины. Освободившиеся культурные угодья привлекли, естественно, многих чужаков из окрестностей, чтобы завладеть этой землей: русских, татар, мордву, чуваш.

Целостность нашего крестьянского сообщества была нарушена в своей основе.

За относительно короткое время колониальная жизнь пришла в упадок. Если война и первые годы революции сильно уменьшили поголовье скота и заставили забросить земледелие, то теперь со всей очевидностью была поражена сама плоть жизнедеятельности колонии. Хозяйственные последствия этого процесса были более чем очевидны.

В предвидении тяжёлого кризиса революционное правительство радикально развернуло политику, введя «нэп». Это восстановило частную собственность и стимулировало личную инициативу: чужаки-новопоселенцы в колониях исчезли; установился хозяйственный подъём, продлившийся до 1928 года.

Примечания

1. Щибраев В.Л. Большая Царевщина: Семейная хроника / под научной ред. П.С.Кабытова, Э.Л.Дубмана. Изд. 3-е. Самарский университет, 2008.